

Глава 49. Побег (7)

Задний двор флигеля долгое время оставался нетронутым.

Сорняки, выросшие сами по себе, касались лодыжек, и повсюду цвели безымянные полевые цветы.

Это отличалось от ухоженного сада особняка, но мне так нравилось больше.

Казалось, что всё здесь живёт своей собственной жизнью.

Серафина тихо следовала за мной.

Подол её белого платья пачкался о мокрую землю и траву, но ей, казалось, было всё равно.

Каждый раз, когда каблук её туфли вяз в земле, её тело слегка пошатывалось.

Кроме шума ветра, колышущего листья, и наших шагов, не было слышно ничего.

Серафина несколько раз пыталась заговорить со мной, но лишь шевелила губами, не в силах произнести ни слова.

Её лицо было каким-то тёмным.

Я не знал, что сказать.

Было ясно одно: с каждой смертью что-то меняется.

И Серафина, и я, и все вокруг.

Но, кажется, не так уж и много.

Ведь перед тем, как сгореть, Серафина мне так и не поверила.

— Разрыв помолвки — разве это не то, чего ты хотела?

Я первым нарушил молчание.

Голос прозвучал более сухо, чем я ожидал.

Серафина остановилась.

Она ответила.

Что хотела, что заблуждалась.

— Прости. У меня... у меня не было своего мнения.

Её голос задрожал.

Вскоре сдерживаемые слёзы хлынули наружу.

Она даже не прикрывала лицо руками, просто плакала.

— С самого рождения и до сих пор, всё шло, как шло.

Я жила, заблуждаясь, что мысли окружающих — это мои мысли.

Я думала, что воля отца — это моя воля, и считала само собой разумеющимся, что ты будешь рядом.

Голос, смешанный с плачем, разорвал тишину заднего двора.

— Но вдруг мне показалось, что ты исчезнешь.

— ...

— Я не знаю почему. Просто.

Если я и дальше буду так же бездействовать, жить, как жила, плывя по течению.

Мне кажется, что ты умрёшь. Что исчезнешь.

Говорила она, плача.

Её слова начали тонуть в рыданиях.

— А я этого не хочу.

Было бы ложью сказать, что её слёзы меня ничуть не тронули, но я всё равно не мог поверить Серафине.

Всплыло её лицо в последний момент, когда она так и не поверила мне.

Ведь всё, что она делала, глядя, как я горю, — это плакала в холодной подземной тюрьме.

Может, кто-то скажет, чего ещё я хотел, но я жил с мыслью, что, по крайней мере, Серафина будет на моей стороне и будет смотреть только на меня.

И «Лавин», и я.

Наверное, как и всё менялось с каждой моей смертью, так и Серафина меняется, но ощущение того, как я горел заживо, всё ещё ярко жило под моей кожей.

И почему-то я начал понимать Серафину.

Я не доверяю Серафине.

Так же, как Серафина не доверяла «Лавину».

Может, с каждой моей смертью Серафина будет меняться.

Потому что я отчётливо чувствую, как понемногу меняется отношение окружающих ко мне.

Может, она вспомнит мою преданность, всё, что я делал, будет уважать меня и всё ещё любить.

Но я никак не мог поверить Серафине.

Возможно, я поступаю точно так же.

Потому что мы друзья детства.

Мы выросли вместе и стали так похожи.

Может, мы стали похожи даже в этом.

После долгих размышлений я тихо ответил на слова Серафины.

— Серафина. Что бы мы ни говорили, мы не доверяем друг другу.

Услышав мои слова, Серафина на мгновение замерла, а потом, покачивая головой, возразила:

— Нет. По крайней мере, это я тебе не доверяю.

Я посмотрел на её белое платье и туфли, испачканные грязью.

Вспомнилась Серафина из детства.

Она всегда была такой.

Куда бы мы ни пошли, она так увлекалась играми со мной, что пачкала белое платье и туфли, которые ей надевали в особняке для встречи с женихом.

— Ты ведь неверишь мне, умру я или нет.

— Нет! Это... тогда я была слишком маленькой... нет, я и сейчас не знаю, что могу сделать.

Но я верю. Я буду верить только твоим словам. Поэтому...

Она вцепилась в меня.

Холодная рука схватила мою.

Я не стал отталкивать.

— И, честно говоря. Я сделал всё, что мог, Серафина.

И про Запретный Архив я говорил, что это не я... или не говорил? Ещё.

В общем, за три года я сделал всё, что мог.

— Нет, пожалуйста... я, я не хочу с тобой расставаться.

Сказала она, плача.

Умоляла.

Я, наоборот, успокаивал такую Серафину.

И крепко обнял её.

Холодное тело мелко дрожало в моих объятиях.

Я медленно похлопал её по спине.

Почему-то не было тех чувств, что возникали, когда я писал ей письма или когда они горели у меня на глазах.

Ни хороших, ни плохих.

Я чувствовал тепло её тела.

Знакомая, но теперь уже кажущаяся чужой температура.

Может, мы так долго знали друг друга, так хорошо знали, что в какой-то момент перестали знать что-либо.

Как книга, зачитанная до дыр.

Когда плач утих, я осторожно отстранил её.

— Уже слишком поздно. Всё кончено, ты и сама знаешь.

Этого хочет Левина, этого хочет твой отец.

От моих слов плач Серафины на мгновение прекратился.

Она, покрасневшими глазами, посмотрела на меня.

И спросила:

— Теперь... это та девочка, что была рядом?

— При чём здесь Линетта.

— Обычно с горничными не ходят вдвоём, не держат за руки... а?

И ни один хозяин не помнит имён.

По крайней мере, в моём окружении.

В её голосе слышалась слабая ревность и упрёк.

— И всё же тебя это не касается. По крайней мере, с сегодняшнего дня.

— Я не буду обращать внимания, даже если ты заведёшь несколько любовниц.

Пожалуйста, просто будь рядом, будь со мной.

Сказала Серафина, словно цепляясь за последнюю надежду.

Её гордость уже давно была втоптана в грязь.

— Буду ли я работать, зарабатывать деньги — я всё сделаю сама.

Я не буду делать то, что тебе не нравится, и не буду обращать внимания ни на семью, ни на репутацию.

Даже если не веришь, ничего, я постараюсь, чтобы ты поверил. Я постараюсь...

— Спасибо за слова.

Я слабо улыбнулся.

Она, увидев мою слабую реакцию, сделала растерянное лицо.

— Или теперь... теперь ты меня не любишь?

Спросила она.

— А разве с тобой не так же?

— Нет!

Закричала Серафина, качая головой.

Она долго тупо смотрела на меня.

Беззвучно, из её глаз текли слёзы.

Они мочили щёки, собирались на подбородке и капали вниз.

Её губы слегка задрожали, и Серафина тихо заговорила:

— С тех пор, как я впервые тебя встретила, даже когда ты сбился с пути, куда бы ты ни шёл, какие бы гадости ни творил, за что бы меня ни ругали из-за тебя, я была рядом, потому что любила тебя.

Больше десяти лет, с первого взгляда, я любила тебя! Поэтому, поэтому. Потому что люблю...

— И я так же.

От моего ответа лицо Серафины просветлело.

Словно тучи разошлись, и выглянуло солнце.

— Тогда, тогда давай начнём всё сначала. А?

Будто ничего и не было.

Всё забудем и начнём здесь сначала.

Я не ответил.

Лишь, глядя на неё, слабо улыбнулся.

А потом тихо сказал:

— Здесь, ни с кем не встречаясь, и с тобой не встречаясь.

Не слушая, что говорят о тебе окружающие, сидя взаперти, я так счастлив.

Здесь не так уж много людей, которые, как ты, видят во мне какого-то негодяя, и нет никого, кто пытается меня связать.

Мне было приятнее есть простую еду в деревне с Линеттой, чем три года торчать там, пытаюсь что-то сделать.

— Поэтому, Серафина. Спасибо за то, что ты сказала, но не нужно.

Я, пройдя мимо неё, пошёл дальше.

Мой голос растворился в ветре.

Сзади слышались всхлипы Серафины, и я обернулся.

Она, упав на колени, плакала.

Её белое платье теперь было полностью испачкано грязью и слезами.

Кажется, сейчас её это не волновало.

Я на мгновение хотел было подойти к ней, но потом отвернулся и ушёл.

Уставший, я вернулся в свою комнату, и у двери меня ждала Линетта.

Она, увидев мой вид, с беспокойством подошла.

— Господин, вы в порядке? У вас лицо бледное...

Я кое-как кивнул на её приветствие и, сев на кровать, как был, устало потёр лицо.

В голове был хаос.

Линетта осторожно спросила, можно ли ей сесть рядом.

Когда я кивнул, она села рядом со мной.

Мы некоторое время молчали.

— Вы ведь любите её?

Внезапно спросила Линетта.

Я не ответил.

— Наверняка очень сильно любите.

Снова сказала Линетта.

— Иначе вы бы так не страдали.

Линетта придвинулась ко мне поближе.

И, слегка потянув меня за голову, положила её себе на плечо.

Маленькое, тёплое плечо.

Она ничего не говорила.

Лишь спокойно, легонько гладила меня по голове.